

DOI: 10.15838/sa.2026.3.51.8

УДК 33:32 | ББК 65+66

© Балацкий Е.В.

ДИСКУССИЯ О ВЛАСТИ И ПРОГРЕССЕ В КОНЦЕПЦИИ АДЖЕМОГЛУ – ДЖОНСОНА

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: evbalatsky@imemo.ru

ORCID: [0000-0002-3371-2229](https://orcid.org/0000-0002-3371-2229); ResearcherID: [D-8752-2018](https://orcid.org/0000-0002-3371-2229)

Рассмотрение книги Дарона Аджемоглу и Саймона Джонсона «Власть и прогресс» позволило уяснить несколько моментов, важных для современной экономической теории. Во-первых, концепция Аджемоглу – Джонсона (КАД) вносит корректировку в доктрину прицепного вагона производительности, согласно которой новые технологии повышают производительность труда, а следовательно, и заработную плату; КАД добавляет два условия, делающих это положение справедливым. В статье демонстрируется, что учет кратко- и долгосрочных эффектов делает указанное уточнение малозначимым. Во-вторых, КАД утверждает, что распространение новых технологий происходит не стихийно, а дозированно, причем отбор технологий осуществляется властью в соответствии с моделью узкого горлышка. В-третьих, в арсенале КАД имеется алгоритм направленного развития новых технологий, который включает такие инструменты государственной системы управления, как повестка дня, нарратив в отношении новых технологий, пропаганда, государственная поддержка и государственные льготы. Все эти инструменты способствуют формированию нового рынка технологий и усилению конкурентоспособности новых производств. В-четвертых, КАД по умолчанию подразумевает взаимное усиление власти и технологий, чем во многом обусловлен наблюдаемый факт укрепления государственной власти в процессе развития человеческой цивилизации. В-пятых, приложения КАД к рынку искусственного интеллекта приводят к целому ряду необоснованных опасений в отношении перспектив его развития. В статье отмечается, что правильное уяснение основных положений КАД, ее достоинств и недостатков позволяет перевести их в рабочий арсенал современной экономической аналитики. Особо подчеркивается, что для России многие институциональные рекомендации КАД должны существенно адаптироваться в силу того, что для нее характерны крайне специфические проблемы рынка новых технологий.

Концепция Аджемоглу – Джонсона, научный бестселлер, концепция прицепного вагона производительности труда, модель узкого горлышка, технологический прогресс, рынок новых технологий, рынок искусственного интеллекта.

Введение: институциональная основа технологического прогресса

С начала XXI века начал активно проявлять себя относительно новый литературный жанр, получивший название научного бестселлера. Для него характерны два признака. С одной стороны, это книги, раскрывающие большие научные проблемы с системных позиций на основе оригинальных авторских идей с их солидным эмпирическим подтверждением и историческими иллюстрациями, с другой стороны, в них нет научного инструментария (формул, графиков, таблиц и графических схем), который осложнил бы восприятие материала для обычного грамотного человека (Балацкий, 2026). В ряду таких книг достойное место заняли три связанные между собой книги Дарона Аджемоглу, Джеймса Робинсона и Саймона Джонсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024).

Названные книги дополнили и обобщили предыдущие чисто научные публикации авторов и оказали влияние на присуждение названным трем исследователям Нобелевской премии по экономике 2024 года. Однако, помимо всего этого, указанные три научных бестселлера ввели в широкий научный оборот множество новых и достаточно удобных понятий: инклюзивные и экстрактивные институты, узкий коридор, концепция прицепного вагона и т. п. При этом первые две книги уже получили основательную реакцию со стороны академического сообщества, тогда как последняя пока не попала в фокус внимания экономистов и не дала нового рабочего инструментария аналитикам. В связи с этим цель, поставленная в статье, заключается в структурировании концепции Аджемоглу – Джонсона (КАД), выявлении в ней сильных и слабых элементов, а также в обсуждении ее возможного применения в будущих исследованиях.

Следует сразу отметить, что основной пафос всех книг авторов состоит в обосновании тезиса, что хорошие (инклюзивные) институты являются основой процветания наций. В последней работе этот тезис пре-

ломляется более частным образом и дает концепцию направленного технологического прогресса под воздействием власти и, соответственно, институтов. Иными словами, в книге подробно разбирается институциональная основа технологического прогресса. В этом смысле КАД не столько развивает, сколько дополняет предыдущие две книги.

Новое дополнение к теории инклюзивных институтов

Между тремя научными бестселлерами Дарона Аджемоглу и его соавторов имеется определенная логика и связь. Первая книга задает общую схему сопряжения институтов, технологических изменений и экономического роста в разрезе движения кадров снизу вверх (Аджемоглу, Робинсон, 2015), вторая – развивает эти идеи в направлении влияния элит и масс друг на друга по горизонтали (Аджемоглу, Робинсон, 2021), а третья – дополняет эти схемы совместного действия элит и масс на процессы принятия решений в отношении новых технологий (Аджемоглу, Джонсон, 2024). В этом смысле идейная и концептуальная палитра первых двух книг на порядок богаче третьей монографии, хотя и она представляется вполне логичным добавлением к предыдущим авторским схемам.

В отношении первых двух книг сегодня уже вышло достаточное число рецензий и аналитических откликов. Например, в работе (Балацкий, 2017) была предпринята попытка в схематичном виде представить учение об инклюзивных институтах, а также показать пределы применения данной концепции. В статье (Балацкий, 2023) проделана аналогичная работа относительно содержания второй книги, а также показано, что авторская концепция не может объяснить парадокс Цицерона, согласно которому на определенном историческом этапе самая совершенная смешанная институциональная конфигурация государственного правления заменяется самой примитивной чистой формой. В работе (Заостровцев, 2022) отмечается односторонность теории узкого коридора, проявляющая в недооцен-

ке идеологии как двигателя перемен и переоценке роли государства. В статье (Мальцев, Шаститко, 2025) рассмотрены все три монографии в разрезе определения используемых в них особого стиля изложения и методов достижения популярности в научной и широкой общественности.

На этом фоне третья книга оказалась как бы в тени первых двух и слабо освещена в научной литературе. В одной из последних работ, посвященной ей, отмечается установка авторов концепции на процессы макроуровня и длительную перспективу, тогда как в ней явно недостаточно микрооснований институциональной динамики (Винокуров, 2025).

В западных изданиях третья книга Аджемоглу и его соавтора также нашла отражение, хотя и крайне фрагментарное. Например, в одной из рецензий отмечается, что ее основная и нетривиальная мысль состоит в том, что технологические прорывы приносят пользу обществу в зависимости от характера системы государственного управления, а не от наличия или отсутствия рыночной конкуренции как таковой (Morton, 2024). В другой рецензии отмечается, что, с одной стороны, авторы книги настроены менее апокалиптически на перспективы внедрения искусственного интеллекта (ИИ), чем многие футурологи, с другой стороны, их предложения по изменению нарратива политических решений относительно новых технологий довольно плохо согласуются с идеями свободного рынка (Jahangir, 2024). Еще в одной рецензии делается акцент на том, что книга развенчивает миф о нейтральном характере технологий; последние никогда не бывают нейтральными, а их развитие определяется соотношением сил в обществе (Rifai, 2025).

В целом можно утверждать, что существующие отклики на книгу Аджемоглу и Джонсона являются весьма поверхностными и во многом даже формальными. Данное обстоятельство актуализирует переосмысление упомянутой книги с точки зрения внесенного научного вклада ее авторами, что и является целью последующих разделов.

Концепция прицепного вагона производительности: кратко- и долгосрочные эффекты

Точкой отсчета КАД является так называемая концепция прицепного вагона производительности, согласно которой новые технологии повышают производительность труда, а следовательно, и заработную плату. Суть метафоры в том, что локомотив технологического прогресса мчится вперед, а за ним, словно в прицепном вагоне, катятся не только предприниматели и владельцы бизнеса, но и все общество, включая простое население. Эта концепция восходит к интеллектуальной традиции Иеремии Бентама и составляет ядро мировоззрения технооптимистов и прогрессистов.

Однако авторы КАД категорически протестуют против такой безусловной формулировки и вводят требования, которые обеспечивают истинность концепции прицепного вагона производительности: во-первых, это увеличение предельной производительности труда, что предполагает появление новых задач, компетенций и возможностей для работников; во-вторых, наличие институтов, которые позволяют рабочим выдвигать и отстаивать свои требования к работодателям. По мнению Аджемоглу и Джонсона, это добавление к концепции прицепного вагона является принципиально важным, ибо оно подразумевает, что имеется горстка людей, способных определять направление технологического прогресса с учетом своих интересов, в результате чего естественный ход прогресса может быть искусственно искривлен в пользу власть имущих.

Существующие данные показывают, что чем больше богатство человека, тем более он эгоистичен. Например, владельцы дорогих автомобилей чаще нарушают правила дорожного движения и демонстрируют неуважение к пешеходам (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 115). Отсюда вытекает идеология индустриального дарвинизма со стороны элит: неудержимый бег прогресса нельзя останавливать, даже если он оставляет на обочине калек и мертвецов (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 246). Если власть имущие разделя-

ют такие взгляды, то они «запускают» новые технологии без учета интересов масс, если только их не принуждают к этому сами массы. Именно в этом пункте возникает главное положение КАД – о направленном технологическом прогрессе.

На первый взгляд, уточнение Аджемоглу и Джонсона концепции прицепного вагона является важным и вполне естественным. Однако все отнюдь не так просто – авторы заведомо демонстрируют статический анализ, который и обостряет условия выполнения концепции прицепного вагона. На самом деле в современной экономике принято рассматривать разновременные динамические эффекты – кратко-, средне- и долгосрочные. В данном контексте не сложно видеть, что в долгосрочном периоде концепция прицепного вагона верна, ибо с течением времени рост технологического развития действительно способствует росту уровня жизни всех без исключения людей. Причем чем дольше период, который мы рассматриваем, тем очевиднее благотворное воздействие прогресса на жизнь населения. Собственно говоря, на этом положении строится вся человеческая цивилизация. И наоборот: если рассматривать краткосрочный период, то здесь возможны любые варианты развития событий. Более того, и здесь присутствует та же закономерность – чем меньше период, который мы рассматриваем, тем больше шансов для проявления негативных следствий новых технологий. Со временем, как правило, появляются новые задачи, рабочие места и комплементарные технологии, что способствует перераспределению работников по экономике и повышает требования к их образованию и квалификации. Более того, со временем появляются и институциональные условия для эффекта прицепного вагона – рабочие создают профсоюзы, участвуют в выборной кампании и т. п. В данном случае именно новые технологии порождают возникновение новых институтов.

Сказанное позволяет более скромно оценить вклад КАД в идею прицепного вагона производительности. Фактически авторы просто более акцентированно и пронзитель-

но заявили о необходимости борьбы работников за нормальную жизнь путем создания соответствующих институтов. И этот аспект имеет значение исключительно в кратко- или среднесрочном аспектах.

Власть и технологии: модель узкого горлышка

В соответствии с КАД распространение новых технологий происходит не стихийно и самостийно, а строго дозированно, причем отбор технологий осуществляет власть. Помимо «санкции» на новые базовые технологии власть еще может инициировать смежные (комплементарные) новые технологии, которые должны ослабить негативный эффект от первых. В иллюстрациях данного тезиса нет недостатка.

Например, в Британии введение в строй текстильных фабрик на паровой тяге в 1780-х годах привело к росту производительности труда в 266 раз (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 240). Непосредственным итогом такого технологического новшества за последующие 100 лет стали распространение смога и загрязнение воздуха, которые послужили причиной половины всех смертей в Лондоне (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 241); не менее драматичным стало распространение в городах Британии разнообразных эпидемий – холеры, туберкулеза, заразных детских болезней (скарлатины, кори, дифтерии). Тем самым индустриализация страны обернулась катастрофой для здоровья нации, а произошло это из-за отказа властей от регулирования рынка технологий. Разумеется, со временем власти навели порядок в городах и начали природоохранные мероприятия (комплементарные технологии) на производствах, но поначалу ущерб от прогресса был впечатляющим. Заметим, что негативный краткосрочный экологический эффект проявлялся около 100 лет, но потом все-таки угас.

Вообще, КАД настаивает на том, что власть имеет первостепенное значение при отборе новых технологий и тем самым она играет роль узкого горлышка на рынке инноваций – какие-то технологии она «пропу-

скает», а какие-то блокирует. Большое число примеров того, какие приоритеты бывают у власти, дает русская история.

Так, Российская империя долгое время придерживалась весьма специфической тактики в отношении ледоколов – разработка судов велась внутри страны собственными специалистами, а собирались они на иностранных верфях – в Великобритании, Швеции, Германии и т. п. Даже первый российский ледокол «Ермак» заложили в 1897 году в британском Ньюкасле. Отказ от производства ледокольного флота внутри России детерминировался тем, что казенные верфи страны были заняты военными заказами, а на отечественных коммерческих оказывалось строить дороже, чем на иностранных. Тем самым власти Российской империи затормозили развитие внутреннего рынка нового сектора судостроения.

Похожий пример связан с развитием в России железных дорог и строительством паровозов. На начальных этапах развития этих рынков у России были все шансы занять лидирующие позиции в мире. Так, в 1835 году был построен российский паровоз, способный тянуть до 60 т груза; первая в России и шестая в мире железнодорожная ветка, соединявшая Санкт-Петербург и Павловск, была открыта в 1837 году (Гайдамакин и др., 2012). Однако паровоз, изобретенный Мироном Черепановым и его отцом, мощность двигателя которого составила 46 лошадиных сил по сравнению с «Ракетой» Стефенсона в 20 л. с. (Roit, 1984), изобретатели запатентовать не смогли: во-первых, в России еще не существовало системы патентования, во-вторых, крепостные крестьяне в любом случае не имели бы на патент никаких прав. В связи с этим паровоз крепостных инженеров Черепановых выкупили иностранные компании, а на родине он не нашел применения. В результате для первой в Российской империи железной дороги закупались иностранные паровозы, построенные по усовершенствованным чертежам Черепановых, хотя сам Черепанов к тому моменту все еще производил паровозы в России (Виргинский, 1987).

Аналогичным образом развитие сети российских железных дорог было остановлено по причине их дороговизны и отказа императора привлекать в строительство частных инвесторов из-за боязни потерять неограниченный государственный контроль над железнодорожной отраслью. Это привело к тому, что к 1855 году отставание России по протяженности железных дорог от США и Англии составило 26,6 и 12,3 раза соответственно (Haywood, 1969). Примечательно, что изначальное отставание может стать хроническим: иностранные технологии так и остались доминирующими в российской железнодорожной отрасли. Например, популярные в настоящее время в России скоростные электропоезда «Сапсан» и «Ласточка» являются разработками немецкой компании Siemens (Балацкий, Екимова, 2020).

Другим хрестоматийным примером узкого горлышка на рынке технологий служит судьба советской генетики. В 1920-е гг. открытия российских биологов и генетиков дали мощный импульс к развитию этой области науки. Советская научная школа представила миру концепцию генофонда (даже сам этот термин, употребляемый теперь во всем мире, русского происхождения); создала теорию современного эволюционного синтеза, объединив генетику Грегора Менделя с теорией эволюции Чарльза Дарвина; вывела методом селекции новые виды растений и многое другое (Adams, 1968). Однако столь впечатляющий старт не был реализован страной, которая в последующем не сыграла практически никакой роли в развитии мировой генетики и биотехнологий и до сих пор в этой области находится на позиции аутсайдера. Такой результат был вызван идеологической борьбой внутри советской науки. Так, в начале XX века перед биологами всего мира стояла серьезная дилемма: на одной чаше весов лежала теория эволюции Дарвина, на другой – генетика Менделя. Два подхода плохо уживались друг с другом, и их противоположность препятствовала дальнейшему развитию генетики. Научную работу, описывающую способ их объединения, в 1926 году пред-

ставил русский ученый Сергей Четвериков, предложивший сложные концепции популяционной генетики и подтвердивший их оригинальными экспериментами (Грэхэм, 2014). Позже ученики С. Четверикова разработали концепцию генофонда – Александр Серебровский впервые сформулировал ее, а Теодозиус Добржанский от лица Советского Союза представил ее на конференции в США. Еще один бывший студент С. Четверикова – Дмитрий Ромашов – создал концепцию генетического сдвига, которую потом активно стали развивать на Западе. Другой советский ученый – Юрий Филипченко – обеспечил развитие теории современного эволюционного синтеза, экспериментально объединив законы Менделя с теорией эволюции, и ввел в употребление термины «микроэволюция» и «макроэволюция». В 1927 году биолог Георгий Карпеченко с помощью метода полиплоидизации впервые в мире вывел гибриды растений, относящихся к разным родам. Ведущие советские генетики 1920-х гг.: Николай Кольцов, Николай Тимофеев-Ресовский, Николай Вавилов, Николай Дубинин и др. – были пионерами в своей области, с ними стремились тесно сотрудничать ведущие биологи и генетики из других стран. Например, Герман Меллер, получивший Нобелевскую премию по физиологии и медицине за исследования в области мутагенного действия рентгеновских лучей, был настолько впечатлен работой этой команды советских ученых, что целенаправленно выучил русский язык и переехал на несколько лет в Советский Союз, чтобы работать вместе с российскими коллегами (Carlos, 1981).

Востребованность исследователей в области генетики показывают некоторые факты из биографии крупнейшего биолога СССР Н.В. Тимофеева-Ресовского: он потерял сертификат о школьном образовании, не стал сдавать государственные экзамены в университете и не получил диплом о его окончании (Гранин, 2023). Несмотря на отсутствие образовательных сертификатов, Тимофеев-Ресовский успешно работал в ведущих университетах и исследовательских институтах страны, а с 1925 года руководил в Германии

отделом генетики и биофизики в Институте исследований мозга. Примечательно, что в Германии Н.В. Тимофеева-Ресовского приняли безоговорочно даже безо всяких удостоверений об образовании и квалификации; для этого оказалось достаточно рекомендательного письма от его руководителя Н.К. Кольцова, уже тогда считавшегося классиком современной биологии (Гранин, 2023). Однако в 1940-х годах по советской школе генетики прокатилась волна репрессий, что затормозило развитие перспективного рынка на многие десятилетия.

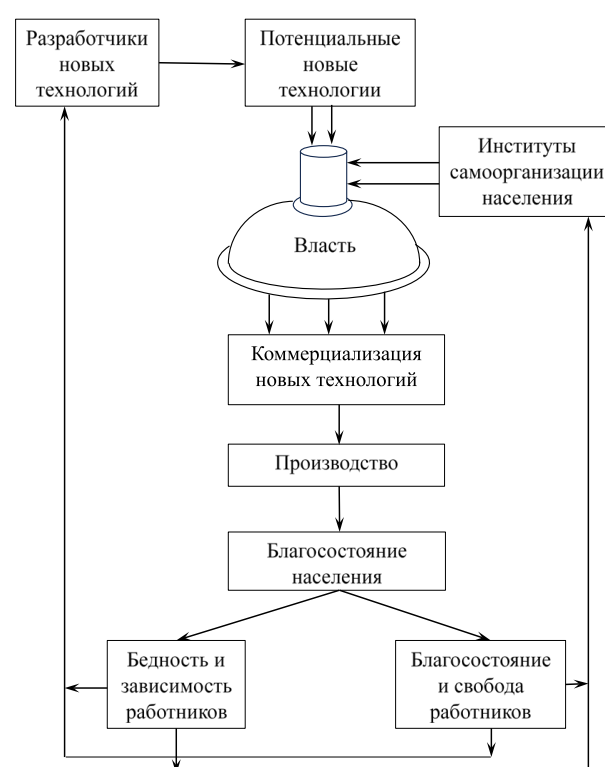

Рис. 1. Механизм отбора властью новых технологий

Подобных примеров можно привести бесконечно много. Общая схема реализации модели узкого горлышка приведена на рис. 1. Главный пафос этого алгоритма состоит в разветвлении процесса экономического развития в зависимости от того выбора, который делает власть. Это положение КАД можно считать полностью верным, хотя и здесь неявно просматривается эффект статистики. Например, советское руководство в

определенный момент отказалось от генетики, но через некоторое время генетические технологии «вернулись» в страну и сегодня являются одним из важных рынков отечественной медицины и сельского хозяйства. Тем самым даже государственная власть обладает ограниченной способностью по притормаживанию и перенаправлению технологий; через определенное время они все равно отвоевывают свое место в экономике.

В связи со сказанным уместно заметить, что государственная власть, помимо всего прочего, часто выступает не только регулятором новых технологий, но их инициатором и монополистом. Наиболее хрестоматийный пример этого связан с ядерными технологиями, причем как военными, так и мирными. Во всех без исключения странах ядерное оружие разрабатывалось под патронажем государства, на его средства и в условиях абсолютной монополии. Причем этот процесс был связан с большими жертвами, принесенными странами на алтарь своей суверенности. Для этого достаточно вспомнить, в каком напряженном режиме осуществлялась разработка бомбы в СССР. Для понимания драматизма политического выбора, который пришлось сделать указанным странам, достаточно напомнить слова премьер-министра Пакистана Зульфикара Али Бхутто: «Пакистан будет есть траву или листья, даже страдать от голода, но создаст ядерную бомбу»¹. В отличие от численно огромного Пакистана небольшая Северная Корея реализовала ядерную программу ценой огромного времени, потраченного на этот проект, с середины 1950-х до 2010–2020 гг., т. е. около 50–60 лет. Сегодня к созданию ядерного оружия близок Иран. В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что Северная Корея и Иран подверглись масштабным международным экономическим санкциям, осложняющим создание ядерной бомбы; Иран сегодня вообще рискует быть полностью уничтоженным из-за нежелания США и Израиля допустить наличие у него ядерного щита.

Нельзя не упомянуть и такой аспект направленного технологического прогресса, как опора на традиционные религиозные принципы. Например, в 2005 году на Международной конференции по ядерному разоружению стало известно о фетве (религиозном постановлении) верховного лидера Ирана Али Хаменеи о запрете производства всех видов оружия массового поражения, включая ядерное. Однако такое гуманное решение в 2025 году было подвергнуто сомнению, когда старшие командиры Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Ирана предложили верховному лидеру отменить фетву, запрещающую разработку ядерного оружия². Таким образом, логика технологического прогресса может на время приходить в противоречие с религиозными догматами, но, в конечном счете, побеждают все альтернативные аргументы, что лишний раз говорит о самостийном движении технологических преобразований.

Приведенные примеры вносят дополнительные краски в КАД, которых в ней изначально нет. Дело в том, что на рис. 1 дилемма улучшения/ухудшения жизни населения трактуется как возможная ошибка в деле принятия государственных решений. Например, если «запуск» новой технологии приводит к ухудшению жизни людей, то это означает, что власть игнорирует интересы масс и не принимает соответствующих мер по урегулированию ситуации. Однако случай с ядерной бомбой показывает обратную ситуацию – государство санкционирует создание новой технологии в ущерб благосостоянию населения, однако это временное ухудшение, которое в долгосрочной перспективе должно окупиться положительными следствиями от получения желанной технологии. Тем самым мы опять сталкиваемся с ограниченностью подхода КАД, которая не учитывает возможные рокировки в выгодах населения в долгосрочном периоде.

¹ См.: Гуськова А. (2015). Как Пакистан стал ядерной державой// Warspot. 28 мая. URL: <https://warspot.ru/3251-kak-pakistan-stal-yadernoy-derzhavoy?ysclid=lyzyg89ngs800801171>

² См.: <https://www.rbc.ru/politics/09/02/2025/67a7e16c9a79470dd0f82fa4?ysclid=mtehd19x3u739409668>

Власть и технологии: взаимное усиление

Как ни странно, КАД, выводя на первое место власть и технологический прогресс, обходит молчанием их взаимное обогащение. Дело в том, что государство и государственная власть являются не только регулятором рынка новых технологий, но и самым активным его участником. Более того, наиболее важные и стратегически значимые технологии государство оформляет в виде своей монополии. Это обстоятельство имеет важное цивилизационное последствие, которое нельзя обойти вниманием.

Сегодня все государства обладают монополией не только на стратегическое вооружение, но и на некоторые гражданские технологии – АЭС, разработку некоторых биологических технологий и т. п. Получив эксклюзивное право на летальные технологии, государство (власть) оказывается вне конкуренции и получает полное доминирование над обществом. На этом факте базируется представление Аджемоглу и Робинсона о Левиафане – самодовлеющем государственном монстре, способном подчинять себе гражданское общество (Аджемоглу, Робинсон, 2021). Почти все рассуждения авторов в предыдущих работах сводятся к рассмотрению механизма удержания Обузданного Левиафана и недопущения его превращения в Деспотического Левиафана. Однако в новой книге они просто обошли этот вопрос стороной, что кажется странным, ибо здесь находится корень всех тех проблем, о которых пекутся представители демократии. Дело в том, что логика цивилизационного сдвига описывается несколькими метафорическими формулами.

$$\text{Государственная власть} = \text{сила} \quad (1)$$

$$\text{Знание} = \text{сила} \quad (2)$$

$$\text{Знание, воплощенное в технологиях} = \text{сила}^2 \quad (3)$$

$$\text{Государственная власть, основанная на монополии технологий} = \text{сила}^3 \quad (4)$$

Приведенные четыре формулы показывают, как по мере развития знаний и технологий

усиливается государство. Соответственно, чем мощней технологии, находящиеся в руках государства, тем сильнее само государство; более того, государство усиливается непропорционально быстро – нелинейно, по кубическому закону. Тем самым цивилизационный тренд состоит в постепенном естественном перерождении Обузданного Левиафана в Деспотического Левиафана – этот процесс неизбежен и безальтернативен. Уже многие исследователи заметили, что в современном мире происходит постепенное ослабление демократических институтов в пользу авторитарных режимов (Дзоло, 2010). Сегодня только по-настоящему слабые государства подвержены правительственным переворотам, ибо власть имеет в своем арсенале такие технологии, которые способны проконтролировать и утихомирить агрессивные массы и погасить любые протесты. Это положение противоречит надеждам КАД о том, что будущее мира связано с простой выборной демократией; наоборот, даже демократические политические режимы становятся все более деспотичными.

Формула (4) показывает еще и закономерность взаимодействия разных стран с неодинаковым уровнем технологического развития. Так, страна с более значительным технологическим потенциалом способна полностью подавить страну, находящуюся на более низком уровне технологического развития. Именно этим эффектом детерминруется наблюдаемая сегодня цивилизационная закономерность – каждый новый центр силы геополитической системы имеет власть над миром больше, чем предыдущий. Например, ни Голландия, ни Великобритания в прошлом не обладали такой всеохватывающей властью над мировыми рынками, как США. Хотя гегемония Америки сегодня постепенно слабеет, но это происходит только благодаря технологическим успехам Китая; в противном случае позиции Америки были бы незыблемы.

Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем: развитие технологий во внутренней жизни стран ведет к усилению позиций власти (государства) в борьбе с обществом и

массами, а во внешней сфере – к усилению доминирования более развитых государств над менее развитыми.

Примечательно, что КАД полностью игнорирует указанную закономерность. Наоборот, главное положение авторов сводится к откровенно утопичному тезису о том, что по мере развития технологий работники должны бороться против их нежелательных проявлений посредством всеобщего избирательного права и активизации профсоюзов. Такая позиция приводит к довольно курьезному раскладу сил: на стороне власти – прогрессивные технологии, а на стороне рабочих – прогрессивные институты. Возникновение такой коллизии можно считать весьма оригинальным и неожиданным следствием КАД.

Механизм направленного технологического прогресса

Следующим шагом в развитии КАД является представление о направленном прогрессе, которое предполагает определенный алгоритм (рис. 2). В соответствии с этим алгоритмом власть обладает монополией на по-

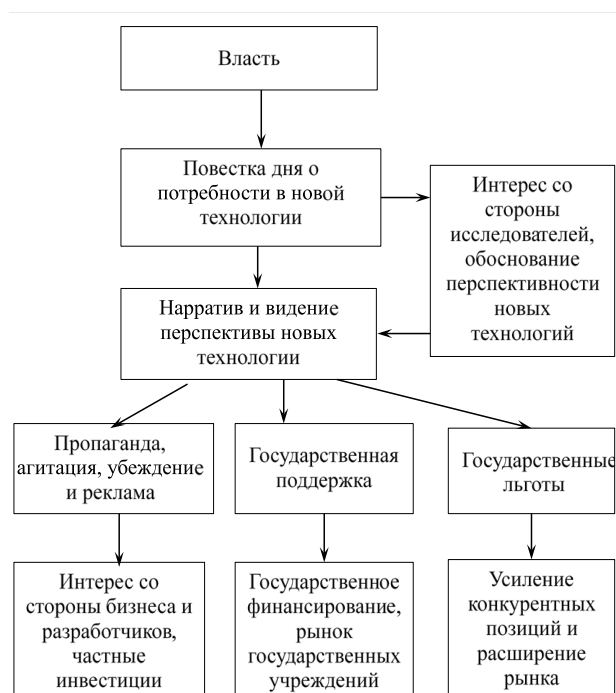

Рис. 2. Алгоритм направленного развития новых технологий

вестку дня в отношении новых технологий; новые технологии, не попавшие в официальную повестку дня, превращаются в «невидимые» сущности для масс, включая исследователей и разработчиков. Фактически повестка дня – это постановка задачи по созданию и внедрению прогрессивной технологии. Если эта задача не поставлена верхами, то низы ее просто не видят и, соответственно, не будут решать.

После того как повестка дня воплощается в определенное видение перспектив новой технологии, включается организационная мощь государства и власти, в т. ч. крупного бизнеса. Во-первых, начинается навязывание нового видения массам путем пропаганды, агитации и рекламы, что в конечном счете инициирует интерес со стороны бизнес-сообщества и разработчиков технологий и завершается притоком частных инвестиций. Во-вторых, принимаются меры государственной поддержки технологического новшества, которое выражается в выделении бюджетного финансирования и наложении обязательств на государственные учреждения по использованию создаваемой технологии. В-третьих, вводятся государственные льготы, самым очевидным проявлением которых выступают налоговые льготы, что приводит к уменьшению издержек у производителя новой технологии и тем самым укрепляет его конкурентные преимущества и рыночные позиции.

Разумеется, меры поддержки могут быть сколь угодно разнообразны. Примером тому может служить хрестоматийная история луддитов, которые восстали против машин путем их выведения из строя. Уже в 1811 году английские власти начали срочно принимать законы для борьбы с движением луддитов и внедрять в их ряды своих агентов. Сначала была предусмотрена кара за разрушение фабричных машин в форме ареста и ссылки в Австралию на срок до 14 лет (на такой срок были осуждены 7 луддитов из Ноттингема в марте 1811 года). В 1813 году уничтожение машин было квалифицировано как индустриальный саботаж с наказанием в виде смертной казни (в 1813 году

17 человек были казнены в соответствии с новым законом). При этом указанные события происходили, когда Англия вела войну с Наполеоном в Португалии на Пиренейском полуострове с весьма специфическим балансом: войска, занимавшиеся подавлением луддитов в Британии, были более многочисленны, чем те, что воевали с Наполеоном, а ожесточение боев на родине было выше, чем в боях с французами³. Так британская власть защищала новые технологические завоевания индустриального производства.

Борьба за технологии велась и между странами. Другая хрестоматийная история в этом отношении связана с насильственной деиндустриализацией Индии для обеспечения британской гегемонии на рынке легкой промышленности. Ради этого англичане построили в Индии железные дороги, которые не сказались положительно на местной промышленности. Сами же железные дороги превратились прежде всего в инструмент угнетения действием и бездействием одновременно: по ним отправлялись британские войска вглубь страны для подавления восстаний индийских работников, а при возникновении массового голода британские власти отказывались использовать этот транспорт для поставок продовольствия в районы голодомора. Никакие моральные нормы не мешали английским властям поддерживать свою монополию на передовые технологии, обеспечивающие им сверхприбыли.

В настоящее время власть также поощряла те или иные технологии вытеснения занятых. Например, этому служил институт аутсорсинга, когда для выполнения некоторых своих внутренних функций западные компании нанимали внешних провайдеров. Эта форма бизнес-сотрудничества стала чуть ли не главным способом сокращения занятых на рубеже XX и XXI веков.

КАД призывает создавать институты, которые воспрепятствуют такому ходу событий, однако сами авторы приводят множество примеров, которые показывают простую истину – пока не «созреют» глобальные

условия для изменения ситуации, никакие институты работать не будут, в силу того что власти с ними быстро расправятся.

Однако следует признать, что сам алгоритм направленного прогресса под патронажем власти является оригинальным и интересным вкладом в КАД.

Автоматизация и искусственный интеллект: необоснованные опасения

В КАД большое место при описании эмпирики принадлежит проблеме автоматизации производства и искусственному интеллекту (ИИ). В этом вопросе авторы бьют тревогу в связи с тем, что ИИ превращается из прогрессивной технологии в средство подавления и порабощения человечества. Здесь они видят три большие проблемы, первая из которых состоит в том, что сегодня технологические возможности ИИ действуют в одну сторону – сокращения численности работников и надзора над ними, порождая тем самым надзорный капитализм. Вторая проблема, которая якобы обнажилась в этой сфере, состоит в очередной рокировке информационного пространства – от полной свободы интернета и социальных сетей до их полного контроля со стороны авторитарных правительств. И, наконец, третья большая проблема, которая видится авторам концепции, заключается в том, что в перспективе ИИ окончательно и бесповоротно вытеснит такое количество людей, что это приведет к цивилизационному кризису.

Как это ни парадоксально, но все эти опасения являются совершенно необоснованными и во многом надуманными. Рассмотрим подробнее три вышеназванные проблемы.

Начнем с надзорного капитализма. Дело в том, что он не возник в качестве наказания божьего. Предприниматели имеют право наблюдать за своим производством, в том числе за своими нерадивыми и ленивыми работниками. А установка камер и сканирование лиц вовсе не ущемляют людей без криминальных замыслов. Наоборот,

³ См.: <https://eadaily.com/ru/news/2018/03/11/etot-den-v-istorii-1811-god-v-anglii-nachalos-vosstanie-ludditov?ysclid=mtfskapdx574846336>

это содействует поддержанию порядка. И здесь правомерно сравнить США и Китай по уровню безопасности жизни. Оказывается, в 2016 году, когда следящие системы уже получили широкое распространение, число умышленных убийств в США составляло 6,8 на 100 тысяч человек против 0,62 в Китае⁴, т. е. разница почти в 11 раз – и отнюдь не в пользу «демократических» Соединенных Штатов, а в пользу «авторитарного» Китая. Тогда возникает сакраментальный вопрос: может быть, надзорный режим в разумном исполнении не так уж плох, если обеспечивает безопасность своему населению?

Вторая проблема связана с подчинением интернета и социальных сетей национальным правительствам. В этом пункте авторы КАД сетуют на Китай, Иран и Россию, которые, будучи, по их мнению, авторитарными государствами, взяли под контроль информационное пространство и насаждают ограничения на доступ к «свободным» информационным ресурсам. Авторы КАД как будто не знают, что интернет и социальные сети уже давно превратились в оружие против правительств со стороны внешних сил. История арабских революций говорит сама за себя. Если это так, то любое государство и власти должны (обязаны!) нейтрализовать эту технологию. Именно это и делает, например, Китай. И сказать, что это плохо и недемократично – в высшей степени несерьезно. Здесь, как и в своих предыдущих книгах, Аджемоглу и его соавтор просто игнорируют проблему суверенности государства.

Третья проблема связана с опасностью чрезмерного вытеснения работников с помощью ИИ. И здесь авторы КАД как бы забыли о существовании процесса насыщения на любых рынках. Соответственно, правомерно предположить, что вытеснение занятых со стороны ИИ будет происходить до определенного момента, после чего этот процесс прекратится. Более того, сегодня уже построена параболическая эконометрическая зависимость производительности труда от плотности роботизации промышленности,

из которой вытекает, что насыщение обрабатывающих производств роботами имеет свой максимум, после чего дальнейшая роботизация будет снижать производительность (Балацкий, Екимова, 2026). Уже сегодня Южная Корея, Сингапур и Китай превысили эту своеобразную технологическую границу роботизации, следовательно, процесс насыщения промышленных производств уже близок.

Таким образом, рассмотренные опасения КАД оказываются либо преждевременными, либо вообще надуманными с явной идеологической составляющей.

Если говорить в широком ключе о направленном технологическом прогрессе, то здесь действительно велика роль властей. Но опять-таки авторы КАД не хотят замечать очевидного – преимуществ так называемых авторитарных режимов. Дело в том, что в основе феномена узкого горлышка новых технологий (см. рис. 1) лежат специфические интересы крупного бизнеса и олигархических групп, которые хотят использовать технологический прогресс в своих сугубо корыстных интересах. Этого факта, кстати, КАД не отрицает. Но в соответствии с железным законом олигархии Р. Михельса любые правительства рано или поздно вырождаются в олигархии со своими интересами и с помощью государственного аппарата начинают отстаивать их (Michels, 1915). Именно это произошло постепенно в современных США, о чем и свидетельствуют Аджемоглу и Джонсон. Тогда правомерно спросить: а как должна быть устроена власть, чтобы правильно управлять технологическим прогрессом и не зажимать волюнтарно узкое горлышко новых технологий?

Как это ни парадоксально, но ответ должен быть таков. При капиталистическом строе у власти всегда будут находиться олигархические группы со своими интересами, которые не совпадают с интересами народа. В связи с этим единственный выход из сложившейся ситуации видится в наличии народной партии власти. Это означает, что

⁴ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_уровню_умышленных_убийств?ysclid=mtesami41a471286150

никакая другая партия к власти прийти не может, а народная партия власти должна обладать признаками коммунистической идеологии. Тогда и сама власть обязана защищать интересы народа, в том числе при принятии решений по поводу внедрения новых технологий. Именно этот вариант реализован в Китае, Вьетнаме и Северной Корее. И именно эти страны демонстрируют два сопрягающихся процесса: с одной стороны, там идет активное внедрение новых технологий, и они находятся среди стран – технологических лидеров, с другой стороны, там не заметны те явления, когда новые технологии используются против работников. Все свои примеры подобных искажений технологических траекторий Аджемоглу и Джонсон берут в основном из США и стран Европы.

Для иллюстрации сказанного можно привести пример из реальной жизни. В одном из китайских заповедников работает большое число молодых людей, которые всячески помогают туристам и гостям. Хотя в административном здании есть турникеты, а туристы приходят с билетами, которые достаточно приложить к турникету, молодые сотрудники из заповедника не увольняются. Иногда молодежь под звучащую в здании музыку начинает синхронно танцевать, чем удивляет и радует посетителей. Но итог всего этого прост: социальные императивы действуют в пользу того, чтобы молодежь работала, получала хотя бы небольшие деньги и приобретала опыт социализации, в том числе с иностранными туристами. Частная корпорация, скорее всего, уволила бы всю эту молодежь. Не исключено, что в перспективе и в Китае это будет сделано, но лишь тогда, когда социальные проблемы не будут находиться на своем максимуме.

Парадоксально, но логика КАД говорит о том, что будущее нашей цивилизации отнюдь не за западными демократиями, а за такими странами, как Китай, Вьетнам и Северная Корея, однако ее создатели этого либо искренне не понимают, либо сознательно не хотят замечать.

Обсуждение результатов

После разбора КАД вполне уместно задаться вопросом о том, как она может быть использована для нужд России.

Во-первых, Россия имеет свою специфику, которая отличает ее проблемы от проблем других стран. Прежде всего это не слишком агрессивное внедрение новых технологий, характерное для западных стран, а, наоборот, слишком вялое их распространение. Например, роботизация промышленности в России пока находится на старте, тогда как другие страны уже полностью прошли этот путь. Тем самым для России страшны не последствия стихийного высвобождения рабочей силы из-за интенсивной роботизации производства, а архаичная консервация обрабатывающих производств. В связи с этим стране нужны не столько институты защиты населения от автоматизации, сколько институты ускорения внедрения робототехнических систем. Действенных институтов такого типа в России пока не создано, а вместо них реализуется аморфный подход конкурсного распределения финансов на проекты роботизации промышленности. При таком подходе заранее нельзя определить, где, когда, в каком количестве и какие именно промышленные роботы будут внедрены; нельзя заранее сказать даже то, сколько денег в итоге будет выделено на это направление. Такое положение дел необходимо менять, однако следует учитывать, что новые институты страны должны иметь цели и функционал существенно иные, нежели в развитых странах Запада. Здесь России может помочь опыт Китая в части мобилизации средств для широкомасштабной автоматизации производства.

Во-вторых, в недрах российского сектора исследований и разработок имеется множество интересных и полезных технологий, которые не востребованы рынком. Такое положение дел во многом обусловлено отсутствием института координации сектора исследований и реального производства. Не исключено, что стране необходимо множество различных институтов такого типа, которые, с одной стороны, могут перени-

маться у других стран, а с другой – разрабатываться местными экономическими центрами.

В-третьих, в России существует проблема оценки стоимости разработки новых технологий, что существенно замедляет развитие самого рынка новых технологий. Например, наличие технического задания нового изделия и готовности определенной организации разработать требуемый прототип наталкивается на необходимость согласия между заказчиком и исполнителем по поводу цены этой работы. Однако института согласования цены в стране нет, равно как и алгоритмов расчета указанной цены. Этот институциональный пробел также необходимо восполнять.

Выше намечены самые общие и злободневные проблемы институционального обеспечения рынка новых технологий в России, однако этот вопрос гораздо шире, и он нуждается в систематическом изучении. Главное состоит в том, что во всех даже самых частных вопросах роль государственной власти велика – это главный вызов элитам страны со стороны рынка новых технологий.

Заключение

Пристальное рассмотрение книги Аджемоглу и Джонсона позволило уяснить несколько важных моментов.

Во-первых, КАД вносит корректировку в концепцию прицепного вагона производительности труда, согласно которой новые технологии повышают производительность, а следовательно, и заработную плату. Суть авторского дополнения состоит в том, что означенный прогресс обусловлен двумя условиями: увеличением предельной производительности труда, что предполагает появление новых задач, компетенций и возможностей для работников; наличием институтов, которые позволяют рабочим выдвигать и отстаивать свои требования к работодателям. Однако учет кратко- и долгосрочных эффектов делает указанное уточнение малозначимым, ибо выполняется самоочевидное правило: чем больше

рассматриваемый исторический период, тем лучше просматривается позитивное влияние технологического прогресса на жизнь людей.

Во-вторых, КАД утверждает, что распространение новых технологий происходит не стихийно, а дозированно, причем отбор технологий осуществляется властью в соответствии с моделью узкого горлышка: какие-то технологии она «пропускает», а какие-то блокирует.

В-третьих, в арсенале КАД имеется алгоритм направленного развития новых технологий, который включает такие инструменты государственной системы управления, как повестка дня, нарратив в отношении перспектив новых технологий, пропаганда, государственная поддержка и государственные льготы. Все эти инструменты способствуют формированию нового рынка технологий и усилению конкурентоспособности новых производств.

В-четвертых, КАД по умолчанию подразумевает взаимное усиление власти и технологий. Этой закономерностью обусловлен наблюдаемый факт укрепления государственной власти в процессе развития человеческой цивилизации.

В-пятых, приложения КАД к рынку ИИ приводят к необоснованным опасениям в отношении его будущего. Среди таковых ложные представления о негативном характере надзорного капитализма; о подчинении интернета и социальных сетей национальным правительствам; об опасности чрезмерного вытеснения работников с помощью ИИ; об отрицании позитивного влияния прокоммунистических авторитарных режимов на рынок новых технологий.

Правильное уяснение основных положений КАД, ее достоинств и недостатков позволяет перевести их в рабочий арсенал современной экономической аналитики. Для России многие институциональные рекомендации КАД должны существенно адаптироваться, в силу того что для нее характерны крайне специфические проблемы рынка новых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс. М.: АСТ. 544 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 672 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
- Балацкий Е.В. (2017). Концепция инклюзивных институтов и ее приложения // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 143–156.
- Балацкий Е.В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность // *Мир России*. Т. 32. № 3. С. 180–195.
- Балацкий Е.В. (2026). Глобальный рынок знаний: особенности, эволюция // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 19. № 2. С. 36–55.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020). Альтернативная модель управления инновациями и высокотехнологическим сектором экономики России // *Управленец*. Т. 11. № 5. С. 2–16.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2026). Роботизация национальной экономики: экономические эффекты // *Мир новой экономики*. Т. 20. № 2. С. 54–69.
- Винокуров С.С. (2025). Нобелевская премия по экономике 2024 г. и перспективы институциональной экономики // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 185–196.
- Виргинский В.С. (1987). Черепановы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство. 271 с.
- Гайдамакин А.В., Лукин В.В., Четвергов В.А. [и др.] (2012). История железнодорожного транспорта в России. М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте. 312 с.
- Гранин Д. (2023). Зубр: сборник. М.: Издательство АСТ. 448 с.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер. 272 с.
- Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 320 с.
- Заостровцев А.П. (2022). В поисках «оков для Левиафана» (о книге Дарина Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор») // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 186–193.
- Мальцев А.А., Шаститко А.Е. (2025). Куда ведет ностальгический эмпиризм новых-новых институционалистов? // *Вопросы экономики*. № 12. С. 5–31.
- Adams M. (1968). The founding of population genetics: Contributions of the Chetverikov School, 1924–1934. *Journal of the History of Biology*, 1(1), 23–39.
- Carlos E.A. (1981). *Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H.J. Muller*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Haywood R.M. (1969). *The Beginning of Railway Development in Russia and the Reign of Nicholas I, 1835–1842*. Durham, NC: Duke University Press.
- Jahangir J. (2024). Book review of Acemoglu, Daron and Johnson, Simon: *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 21(2), 360–362.
- Michels R. (1915). *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Hearst's International Library Company.
- Morton F.S. (2024). Can massive technological progress hurt workers? A review of *Power and Progress* by Daron Acemoglu and Simon Johnson. *Journal of Economic Literature*, 62(4), 1671–1681.
- Rifai S. (2025). The myth of neutral technology: Lessons from “Power and Progress”. *Köz-gazdaság*, 20(4), 125–128.
- Roit L.T.C. (1984). *George and Robert Stephenson: The Railway Revolution*. New York: Penguin.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

A DISCUSSION ON POWER AND PROGRESS IN THE ACEMOGLU – JOHNSON CONCEPT

A review of the book “Power and Progress” by Daron Acemoglu and Simon Johnson clarifies several points that are important for modern economic theory. First, the Acemoglu–Johnson concept (AJC) adjusts the productivity bandwagon doctrine, according to which new technologies increase labor productivity and, consequently, wages; the AJC adds two conditions to this proposition. We demonstrate that taking short- and long-term effects into account makes this adjustment insignificant. Second, the AJC argues that the spread of new technologies is not spontaneous but dosed, with technologies being selected by the authorities in accordance with the bottleneck model. Third, the AJC includes an algorithm for the directed technological change, which comprises such instruments of the state governance system as the agenda, a narrative regarding new technologies, propaganda, state support, and state incentives. All these instruments create a new technology market and increase the competitiveness of new industries. Fourth, the AJC assumes the mutual reinforcement of power and technology, which largely accounts for the observed strengthening of state power in the course of the development of human civilization. Fifth, the AJC gives rise to a whole series of unfounded fears regarding the prospects for the artificial intelligence market. We note that a correct understanding of the main points of the AJC, its pros and cons, can make them part of the framework of modern economic analytics. It is emphasized that many institutional recommendations of the AJC, to be applied in the Russian context, must be thoroughly adapted to the extremely specific new technology market of Russia.

Acemoglu–Johnson concept, scientific bestseller, productivity bandwagon concept, bottleneck model, technological progress, new technology market, artificial intelligence market.

REFERENCES

- Acemoglu D., Johnson S. (2024). *Vlast' i progress* [Power and Progress]. Moscow: AST.
- Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsivetaniya i nishchety* [Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty]. Moscow: AST.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). *Uzkii koridor* [The Narrow Corridor]. Moscow: AST.
- Adams M. (1968). The founding of population genetics: Contributions of the Chetverikov School, 1924–1934. *Journal of the History of Biology*, 1(1), 23–39.
- Balatsky E.V. (2026). The global knowledge market: Features, evolution. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 36–55 (in Russian).
- Balatsky E.V. (2017). The concept of inclusive institutions and its applications. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Sciences and Contemporary World*, 2, 143–156 (in Russian).
- Balatsky E.V. (2023). The narrow corridor concept: History and modernity. *Mir Rossii*=*Universe of Russia*, 32(3), 180–195 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020). Alternative model for managing innovation and high-tech sector of the Russian economy. *Upravlenets*=*The Manager*, 11(5), 2–16 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2026). Robotization of the national economy: Economic effects. *Mir novoi ekonomiki*=*The World of New Economy*, 20(2), 54–69 (in Russian).
- Carlos E.A. (1981). *Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H.J. Muller*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Gaidamakin A.V., Lukin V.V., Chetvergova V.A. [et al.] (2012). *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta v Rossii* [The History of Railway Transport in Russia]. Moscow: Uchebno-metodicheskii tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte.
- Graham L. (2014). *Smozhet li Rossiya konkurirovat'? Istoriya innovatsii v tsarskoi, sovetskoi i sovremennoi Rossii* [Lonely Ideas. Can Russia Compete?]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

- Granin D. (2023). *Zubr: sbornik* [A Bison: Collection of Works]. Moscow: AST.
- Haywood R.M. (1969). *The Beginning of Railway Development in Russia and the Reign of Nicholas I, 1835–1842*. Durham, NC: Duke University Press.
- Jahangir J. (2024). Book review of Acemoglu, Daron and Johnson, Simon: Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 21(2), 360–362.
- Maltsev A.A., Shastitko A.E. (2025). Where is the nostalgic empiricism of the new new institutionalists leading economics? *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 12, 5–31 (in Russian).
- Michels R. (1915). *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Hearst's International Library Company.
- Morton F.S. (2024). Can massive technological progress hurt workers? A review of Power and Progress by Daron Acemoglu and Simon Johnson. *Journal of Economic Literature*, 62(4), 1671–1681.
- Rifai S. (2025). The myth of neutral technology: Lessons from “Power and Progress”. *Köz-gazdaság*, 20(4), 125–128.
- Roit L.T.C. (1984). *George and Robert Stephenson: The Railway Revolution*. New York: Penguin.
- Vinokurov S.S. (2025). Nobel prize in economics 2024 and prospects for institutional economics. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki=Theoretical Economics*, 1, 185–196 (in Russian).
- Virginskii V.S. (1987). *Cherepanovy* [The Cherepanovs]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Zaostrovtshev A.P. (2022). In search of “shackles for leviathan” (about the book by Daron Acemoglu and James Robinson “Narrow Corridor”). *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki=Theoretical Economics*, 1, 186–193 (in Russian).
- Zolo D. (2010). *Demokratiya i slozhnost': realisticheskii podkhod* [Democracy and Complexity: A Realist Approach]. Moscow: HSE Publishing House.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)